

Оглавление

Введение	5
Раздел 1. ИНТЕНСИВНОЕ РОДИТЕЛЬСТВО В РОССИИ	
Глава 1. Особенности представлений родителей о воспитании детей.....	18
Глава 2. Интенсивное родительство — научное родительство?	30
Глава 3. Связь разногласий и родительской самооффективности	44
Глава 4. Создание среды для ребенка в условиях внутрисемейной вариативности представлений и практик заботы о ребенке	67
Глава 5. Поиск альтернатив традиционным помощникам.....	89
Заключение к разделу 1	113
Раздел 2. ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕБЕНКА: ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ ОБ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ МАРШРУТЕ РЕБЕНКА	
Глава 6. Новые возможности для ребенка — новые задачи родителя	115
Глава 7. Особенности коммуникации семьи и школы.....	124
Глава 8. Типология родительских стратегий влияния на образовательное пространство.....	145
Глава 9. Педагогические представления матерей первоклассников	160

Глава 10. Дополнительное образование: представление родителей об образовательном маршруте ребенка	183
Глава 11. Дополнительное образование: функции, запросы и ожидаемые результаты родителей	198
Глава 12. Семейное образование как возможность влиять на образовательное пространство.....	215
Заключение к разделу 2.....	228
Раздел 3. РОДИТЕЛЬСТВО И ЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ВАРИАТИВНОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАКТИКАХ	
Глава 13. Этапы становления образовательных программ для родителей.....	231
Глава 14. Родительская самоэффективность и «зоны риска» современного родительства	240
Глава 15. Построение современных программ сопровождения и поддержки родителей	249
Заключение к разделу 3.....	254
Заключение.....	256
Литература.....	257
Приложение. Принципы проектирования современных программ поддержки родителей	281
Об авторах.....	302

Введение¹

В западной литературе сегодня разделяют родительство как функцию, связанную с воспитанием (parenting), и родительство как особую социальную группу и социальную роль (parenthood). Это взаимосвязанные, но все-таки различные понятия. Родительство как воспитание детей весьма широко представлено и исследовано, в первую очередь в психологической литературе, его изучение имеет давнюю традицию, восходящую в современной науке к З. Фрейду. А конструкт «parenthood» стал широко обсуждаться в конце XX в., но не столько в русле психологии детско-родительских отношений, сколько в рамках социологии, политологии, культурологии, поскольку сама эта роль стала изменять свое содержание относительно иных социальных ролей и всего социального ландшафта жизни современного человека. Понятно, однако, что и изучение родительства как воспитания не может не испытывать влияния изменения социальной роли родителя в ряду других ролей и во взаимодействии с ними.

В первом разделе монографии рассмотрены новые тренды в описании родительства в обоих смыслах этого термина, обращено внимание на изменения, происходящие в способах их «полагания», т.е. описан содержательный контекст, относительно которого дальнейшее изучение родительства может оказаться эвристическим. Таким образом, мы хотим показать, что эта новая реальность родительства требует в том числе и специальных методов изучения, помогающих заглянуть глубже, чем функциональность родителя по отношению к ребенку, из которой неизбежно возникает представление о «дисфункциональном» родителе. Такая дихотомия не учитывает динамичность, сложность и неопределенность современного родительства. Данная книга

---

¹ Раздел подготовлен на основе статьи: *Поливанова К.Н.* Современное родительство как предмет исследования // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 7. № 3. С. 1–11.

призвана продемонстрировать на примерах, что сегодня при обсуждении родительства говорить только о том, что «родитель должен...», недостаточно.

Одна из первых публикаций, в которых прямо указывается на необходимость изучения родительства как особого статуса (parenthood), — статья «Переход к родительству» А.С. Росси, вышедшая в 1968 г. [Rossi, 1968]. Ее автор прямо указывает на недостаточность исследований, посвященных проблемам родительства, и описывает особенности современной ему социокультурной ситуации, которая характеризуется следующими чертами: социальное порицание отказа от деторождения, сдвиг вступления во взрослость с факта заключения брака к появлению ребенка, неподготовленность к появлению ребенка и отсутствие ясных признаков успешного родительства. Таким образом, уже почти полвека назад ставились вопросы о противоречивости отношения общества к родительству: индивид не вправе принимать собственное решение и остается невзрослым, пока не станет родителем, с одной стороны, но лишен однозначных указаний, как «превратиться» в хорошего родителя и как им быть, с другой.

В XX–XXI вв. менялась не только ткань социальной жизни, но одновременно и представления об этой жизни [Lüscher, 1998]. В частности, изменились представления о роли женщины в семье, повысилось внимание к возрастающему разнообразию практик воспитания, отношению к социальной роли родителя, изменилось представление о распределении обязанностей между матерью и отцом. М. Лакстон и К. Безансон [Luxton, Bezanson, 2006] на примере политики западных стран подробно анализируют изменения трудовой занятости и семейных практик, происходящие вследствие неолиберальных реформ. Они утверждают, что эти экономические и политические изменения приводят к перекалыванию ответственности, в том числе финансовой, с государственных структур на семью.

В 2000 г. вышла работа Т. Аренделл, одна из наиболее часто цитируемых статей, посвященных новым трендам в изучении

родительства (материнства) [Arendell, 2000]. В ней автор рассматривает оба конструкта родительства. В этой работе представлен метаанализ исследований предшествовавшего публикации десятилетия и выделены два основных тренда. Первый касается уже упомянутого разделения двух линий анализа: родительство теперь изучается и как место родителя в широком социуме, и как практики воспитания детей. Второй тренд — изучение и описание все более разнообразных практик воспитания и, соответственно, существенно различающегося опыта воспитания детей и того, как он переживается родителями. Переживание собственной успешности как родителя (родительская самооффективность) — важнейшее направление исследовательского интереса.

Социально-экономические изменения в структуре семьи и профессиональной занятости матерей

За последние полвека произошли существенные социальные и экономические изменения семьи, которые кардинальным образом изменяют ткань детско-родительских отношений. В связи с этим обычно указывают на тенденции уменьшения состава семьи, роста числа одиноких матерей и повышения возраста появления первого ребенка. К этому следует добавить и важный, однако реже обсуждаемый тренд — совмещение материнства с полной рабочей занятостью. Так, С. Декс, Х. Джоши и С. Макран [Dex, Joshi, Macran, 1996] приводят портрет современной матери: образованная женщина, откладывающая рождение первого ребенка, возвращающаяся к полной профессиональной занятости до рождения второго ребенка. Если в 1979 г. 24% матерей выходили на работу, имея детей до одного года, то к 1988 г. их уже почти вдвое больше — 45%, а в 1996 г. — 67% [Gatrell, 2004; Соловьева, 2014]. Авторы также указывают на поляризацию стратегий деторождения и воспитания: образованные матери с более

поздним первым рождением и, как правило, более высоким доходом стремятся продолжить профессиональную карьеру и нанимают помощников для ухода за ребенком. Менее образованные матери с низкооплачиваемой работой склонны по возможности оставаться в роли домашней хозяйки.

Меняется состав семьи. Так, в США накануне Второй мировой войны более 75% домохозяйств имели в своем составе брачную пару, в том числе около 43% супругов с детьми, 33% супругов без детей. Неполные семьи, представленные одиноким родителем с детьми, составляли немногим более 4%, в период с 1960 по 1996 г. число детей, проживающих с двумя родителями, снижалось с 85 до 68%, в 2000-х годах этот показатель был стабилен, но позже снижение продолжилось и в 2012 г. дошло до 64%. Число детей также уменьшается. Сразу после Второй мировой войны число семей с детьми составляло около половины, после «беби-бума» достигло 57%, в 2012 г. составляло 44%².

Кризис нормативности

Одно из важнейших направлений анализа родительства и как социальной роли, и как практик воспитания состоит в признании его диверсификации. Так, М. Очесл и Р. Золл [Oechsle, Zoll, 1991] указывают на эрозию нормативных моделей родительства в конце XX в. Авторы обсуждают индивидуализацию как существенный социокультурный фактор современности и утверждают, что практически ни одна устойчивая социальная структура не избежала деформации. Проведенное эмпирическое исследование вскрывает, в частности, диверсификацию стилей и форм жизни семьи. Жизнь в одиночку становится все более распространенной. Например, в Германии до трети домохозяйств — это одиноко проживающие люди. Важно также, что данная форма стано-

---

² Данные с сайта: <http://www.childtrends.org/?indicators=family-structure>.

вится все более принимаемой. Вторая из перечисленных примет конца XX в. — проживание пары без детей. Все больше пар также проживают с детьми от предыдущих браков. Растет число пар, которые намеренно отказываются от родительства (движение, получившее название «childfree»).

Однако сам факт увеличения вариаций (форм) существования детей в семье — родительской или иной, полной или неполной — не является основанием для признания современного этапа как кризисного или переходного от одной устойчивой формы семьи к другой. Многообразие семейных организованностей существовало всегда. Суть современного этапа состоит в размытии нормативного представления о семье. По Д. Элкинду [Elkind, 2009], если в середине XX в. идеалом семьи была полная нуклеарная, а ее образом — совместная вечерняя трапеза, то в эпоху постмодерна это бесконечное путешествие ребенка и, как правило, только одного родителя по жизни. Такую семью можно назвать «бесформенной»: она бесконечно меняется, трансформируется, ни одно ее состояние не является окончательным. Число эпитетов, описывающих современную семью, весьма велико, назовем лишь некоторые — сетевая, матричная, гостевая и даже семья пэчворк (от patchwork — техника лоскутного шитья). Таким образом, важно признать, что сущность кризиса нормативности — в расширении не самих семейных практик, а числа образов семьи, которые задают (конфигурируют) реальные семейные практики.

Д. Гутман [Gutmann, 1975] указывает, что разнообразие форм (в том числе и родительства) является прямым вызовом психологии развития, которая, по мысли автора, существует как свод взглядов на относительно устойчивые формы и универсальные последовательности, будь то развитие ребенка или родителя. Именно разнообразие сегодня задает ландшафт исследования и кардинально меняет его.

Важными в связи с выше изложенным, но пока редко обсуждаемыми трендами являются решение отказаться от рождения

детей (childfree), с одной стороны, и настойчивое желание иметь детей вопреки медицинским осложнениям (медицинские техники преодоления бесплодия и усыновление), а также борьба за право иметь детей в гомосексуальной паре, с другой [Gillespie, 2003]. Эти новые явления социальной жизни независимо от их морально-этической оценки и задают понимание современной семьи: на примере именно таких форм родительства или отказа от него мы обнаруживаем, что ребенок становится следствием *осознанного решения и многих усилий*.

Исследования типов детско-родительских отношений в таких семьях пока не приводят к однозначным результатам. Так, С. Джонсон и Е. О'Коннор [Johnson, O'Connor, 2002] обнаружили, что в нетрадиционных семьях сильнее детско-родительские связи и привязанность. Согласно отечественным данным, опубликованным Е.В. Соловьевой [Соловьева, 2014], спонтанно зачавшие матери имеют более реалистичные представления об актуальных возможностях и способностях своих детей, а матери, зачавшие посредством ЭКО, чаще предъявляют к детям неадекватные их возрасту требования и имеют более высокие ожидания от них. Пока это отрывочные данные, по которым нельзя судить об общей ситуации, но можно предположить, что объем подобных исследований будет нарастать. Однако, как мы полагаем, сам факт появления подобных исследований свидетельствует о том, что родительство не исчерпывается традиционными моделями и становится все более разнообразным.

Современная семья — для ребенка или для взрослого?

По представлениям Д. Элкинда, постсовременная семья становится «проницаемой» [Elkind, 2009]. Автор использует этот термин при описании тенденций разрушения границ семьи. Старая ядерная семья модерна задавала ясные и весьма строгие границы

приватности-публичности, «домашности» и широкой социальности, в том числе и границы между ребенком и взрослым. Выбирая термин «проницаемый», Д. Элкин фокусируется на эрозии этих границ, показывая, что семья становится более уязвимой для влияний извне. В своем анализе исследователь также часто использует термин «несбалансированность» (imbalance). Он указывает, что и старая, и новая семья имеют черты такой несбалансированности, но эти черты различны.

Раньше родители имели безусловную власть над ребенком, строго указывали, предписывали ему, что делать и как поступать в различных ситуациях, авторитет родителей был непоколебим. Воспитание детей было безусловной ценностью для семьи. Вся организация семейной жизни задавалась ценностью детства. В частности, дети в конкуренции с работой матери или отца всегда стояли на первом месте. Такая семья обеспечивала детство как устойчивое, воспроизводимое, защищенное и обеспечивающее воспроизводство.

Новая несбалансированность — значимость равных возможностей — выражается в том, что сомнению подвергается приоритет воспитания среди других жизненных ценностей. Анализ ценностной сферы современных женщин репродуктивного возраста, проведенный Е.И. Захаровой, показал, что наибольшей значимостью для них обладают отношения с партнером (22% от общей доли жизненных ценностей), работа (19%), получение удовольствия (17%) и собственное Я (14%). Приверженность childfree, с точки зрения автора, может быть охарактеризована как особая ценностная структура, в которой преобладает гедонистическая ориентация [Захарова, 2015].

Одним из самых ярких стрессогенных следствий для семьи и родителей эпохи постмодерна стал постоянный двойной вызов — со стороны семьи и детей и со стороны карьеры и работы. В семьях с двумя работающими родителями сокращается время, проводимое с детьми, интересы детей в лучшем случае стоят на одном уровне с интересами взрослых (карьерными и личны-

ми), в худшем — ими пренебрегают в пользу интересов взрослых. Рост числа разводов и повторных браков также добавляет трудностей к взрослению.

Сегодняшняя семья в большей мере предоставляет возможности родителям: строить свою карьеру (и перекладывать уход за детьми на платных профессионалов), не продолжать неудачный брак, жить с сегодняшним партнером, соединяя детей от разных браков и т.д. Но взросление в условиях неопределенных правил, прозрачных границ — гораздо более трудная задача.

В ситуации необходимости повышения квалификации, трудностей с поиском работы современные родители должны все больше отдавать предпочтение карьере в ущерб семье, причем на всех уровнях социальной лестницы. Причастность семье, примат семейных интересов явно был на пользу детям: он обеспечивал не только заботу, уход и безопасность, но и регулярность связей с родителями, способствовал приобретению опыта семейности.

Семья также обеспечивала фильтрацию подходящего знания. Сегодняшнее детство — существенно иное, чем оно было раньше. Прежде это был период свободы от ответственности, время игр, учения и подготовки. Сегодня дети растут слишком быстро. Детство было заповедным садом, отделенным от жизни высокой стеной родительской опеки и защиты. Такая изолированность далее невозможна: массмедиа и, конечно, Интернет разрушили стены этого заповедного сада. Д. Элкин [Elkind, 2009], однако, считает, что и сами родители внесли лепту в этот процесс, транслируя ценности успеха и высоких достижений все более юным детям. Целые секторы экономики навязывают родителям ощущение, что воспитание детей — это гонка за их будущим успехом. В известной мере справедлив тезис о том, что сам конструкт детства неразрывно связан с ядерной семьей эпохи модерна. Также можно признать, что такая семья была детоцентричной, поскольку была бóльшим благом для детей, чем для родителей.

Просвещенное родительство?

Традиционно воспитание детей осуществлялось на основе сложившихся устойчивых практик, передаваемых из поколения в поколение непосредственно через образцы воспитания, через обычаи и ритуалы. Молодые родители к моменту появления у них своих детей, как правило, уже имели опыт воспитания младших братьев, сестер и других родственников, поскольку росли в многопоколенных многодетных семьях [Забаев, Павленко, Емельянов, 2012]. Освоение супружеской и родительской роли начиналось задолго до начала ее реализации. Формирование представлений о том, как быть мужем или женой, отцом или матерью, в ходе наблюдения за родителями и прародителями позволяло подготовиться, сориентироваться в предстоящей деятельности [Захарова, 2012].

К середине XX в. «широкая» сельская семья сменяется нуклеарной (ядерной), т.е. состоящей из родителей с детьми, а население развитых стран становится все более городским. Исчезает, таким образом, деревенский социум с его традициями, обрядами и ритуалами, постепенно уходит и «гражданское родительство», когда все взрослые социума в известной мере остаются родителями по отношению ко всем детям. Такие социумы задавали образцы и нормы родительства, непосредственно и наглядно представляя их.

Появляются и развиваются устойчивые целостные модели воспитания детей — естественное родительство, альфа-родительство, в англоязычной литературе стал устойчивым термин «интенсивное родительство» (intensive parenting). Это последнее направление включает различные практики, которые связываются с идеей максимально способствовать развитию мозговых структур ребенка через соответствующую стимуляцию [Ньюфелд, Матэ, 2012].

Такой возврат или поворот к родительству в современном обществе на фоне снижения устойчивости семьи и уровня рож-

даемости может казаться неожиданным [Майофис, Кукулин, 2010]. Важно подчеркнуть, что речь идет не просто об ориентации на некоторую теорию воспитания. Это системы предписаний, касающихся всех сторон жизни ребенка, начиная с появления его на свет. Например, естественное родительство начинается с естественных родов (в идеале с полным отвержением медицинского вмешательства), затем ребенок все время находится в тесном телесном контакте с матерью, практикуются совместный сон, продолжительное грудное вскармливание, отказ от памперсов и т.д. Все эти практики объясняются научными данными, преимущественно теорией привязанности [Боулби, 2003], и основываются на внимании к нуждам самого родителя, знании возраст-но-психологических закономерностей развития ребенка, а реализуются через систематическое обращение к экспертному сообществу, в частности, за психолого-педагогической помощью [Филиппова, 1998].

В работе Дж. Уолл [Wall, 2010] было обнаружено, что матери, практикующие интенсивное материнство, переживают существенное социальное давление. Психологический стресс, который они испытывают, автор связывает с противоречием между «детоцентричностью» этого подхода и общей современной ориентацией на самореализацию, социальный успех и карьерные достижения. На этот разрыв указывала еще в 1996 г. Ш. Хэйс в книге со значимым названием «Культурные противоречия материнства» [Hays, 1996]. Она выявила и описала современные ей противоречия родительства: давление общества, полагающего необходимость оставаться преданными ребенку и одновременно требующего участия в трудовой деятельности. Новые популярные формы родительства — *intensive parenthood* — оказываются в такой противоречивой ситуации способом защиты от современного общества: принимая идеологию и предписания выбранного подхода, семья (мать в большей степени) защищается от разнонаправленных социальных влияний. Однако матери, как оказалось, испытывают и чувство вины, и стресс, и это пробудило

в обществе движения сопротивления жестким рамкам новых теорий воспитания.

По мнению К. Кнорр-Цетины, рост индивидуальности обобщается свертыванием социального, т.е. общего, разделяемого всеми — традиционных ролей, форм группового поведения и т.д. То есть теряются образцы, которые раньше были даны непосредственно и наглядно. Именно эта потеря заставляет индивида обращаться к экспертному мнению, т.е. теоретическое знание проникает в ежедневную практику. Если продолжить мысль К. Кнорр-Цетины, то мы приходим к выводу о превращении ранее «естественного» в искусственное, создаваемое на основе знаний [Кнорр-Цетина, 2006].

Новые родители

Подводя итоги приведенным данным и их интерпретациям, мы можем констатировать следующее: современное родительство как социальная позиция претерпевает существенные изменения.

Распад традиционных практик воспитания, отсутствие опыта общения с младшими членами расширенной семьи приводят к необходимости самостоятельно или с минимальной поддержкой выстроить собственное родительское поведение. Растущая ценность знания и доверия к нему в информационном обществе заставляет обращаться к экспертному мнению, а затем делать выбор между конкурирующими моделями. И наконец, ценность детства в общественном дискурсе и неолиберальная направленность на рост ответственности индивида за все, что с ним происходит, повышают «цену» родительских решений относительно всего, что происходит с их ребенком — сегодня и в будущем.

Стремление к равенству гендерных ролей, рост образования и возможностей карьерного продвижения, развитие экономики — все это ведет к тому, что ценность родительства начинает конкурировать с ценностью профессиональной и жизненной

успешности. Само решение о рождении ребенка в такой ситуации становится следствием осознанного выбора.

Многие родители хотят сохранить важный для них профессиональный статус и одновременно быть хорошими родителями, поскольку общество придает огромное значение детству и родительству. Эти принципиально рассогласованные требования делают современное родительство гораздо более трудным, чем когда-либо ранее. Еще раз подчеркнем: суть современной ситуации — не в том, что изменились общественные запросы, формы семьи и число детей, а в том, что они сегодня разнонаправленны и мозаичны. Это источник основного социального требования — выстроить собственную осознанную позицию и быть готовым ее защищать.

Новые современные родители сталкиваются с новыми вызовами и проблемами, которые требуют решения. А экспертное сообщество нуждается в более ясном, уточненном понимании новых, иных родителей, а также в новой инструментарии для того, чтобы яснее понять суть современного родительства и его насущных трудностей.

Этот новый взгляд на родительство должен учитывать в первую очередь все тенденции, о которых говорилось выше: эклектичность родительства, конфликт ценности родительства и самореализации, растущую роль экспертного, научного знания для построения воспитательных практик, а главное — то, что родители в этих условиях сами конструируют собственное представление о том, что есть «хороший родитель», которое впоследствии отражается на их воспитательных практиках.

Свидетельства этому можно увидеть на примере реализации императива интенсивного родительства (ему посвящен первый раздел данной книги). Опираются ли российские родители в своих рассуждениях на императивы интенсивного родительства; отражается ли это на практике; действительно ли в вопросах воспитания родители больше доверяют экспертам, чем старшему поколению; как это отражается на отношениях с родственниками, чувствуют ли родители давление с их стороны?

Во втором разделе речь идет о том, как сегодня родители реализуют свою новую, активную роль в рамках образования ребенка. Современная политика в сфере образования ждет от родителей большего участия в школьных делах ребенка, но, похоже, не учитывает, что активность родителя не означает «более активное выполнение правил и требований школы», а скорее предусматривает, что родители активно отстаивают свою позицию и представление о том, как должно быть, по их мнению, реализовано образование ребенка. В связи с этим обратимся к понятию «вовлеченность» и его ограничениям в современных реалиях. Отдельно остановимся на представлениях родителей об образовательном процессе: чего они ожидают от образования, от ребенка, как видят свою роль в этом?

Фактически решением проблемы формирования у родителя своего собственного представления о родительстве, его нормативе, целях и методах является построение новой (родительской) идентичности (не случайно многое из изложенного заставляет вспомнить проблемы подросткового возраста с задачей построения собственной уникальной идентичности). Сегодня это направление выражается в обсуждении проблем «родительской самоэффективности» (*parental self-efficacy*) и других близких понятий. Этот восходящий к работам А. Бандуры термин описывает оценку человеком своих способностей и возможностей [Bandura, 1977; 1989]. Именно самоэффективность определяет, возьмется ли человек за решение стоящей перед ним проблемы и насколько настойчиво будет ее решать. То, как этот подход может помочь родителям в современных условиях, будет рассмотрено в третьем разделе.

Раздел 1

ИНТЕНСИВНОЕ РОДИТЕЛЬСТВО В РОССИИ

Глава 1

Особенности представлений родителей о воспитании детей¹

В современных исследованиях родительство перестает обсуждаться и исследоваться только как совокупность предпринимаемых родителем воспитательных действий, а родитель — исключительно как «функционер», обязанный обеспечить развитие ребенка. Исследователи отмечают, что в этой сфере происходят существенные изменения: меняются и сами родительские культуры и практики, и социальный контекст родительства (состав семьи, уменьшение числа детей на одну женщину, более позднее рождение первого ребенка, увеличение количества одиноких родителей, более частое совмещение женщиной воспитания детей и полную рабочую занятость и т.п.).

Нормативный образец родительства сегодня весьма разнообразен, размыт, неуниверсален, зачастую противоречив. В частности, к моменту появления первого ребенка у будущих родителей все чаще отсутствует «опыт детодержания», при этом растет уровень требуемых от родителей компетенций [Забаев, Павленко, Емельянов, 2012]. Родители, обратившись со своими вопросами к литературе и родительским форумам, могут столкнуться с группами приверженцев разнообразных родительских

---

¹ Глава подготовлена на основе статьи: *Сивак Е.В.* Современная родительская культура и ее значение для взаимодействия родителей и педагогов // Современное дошкольное образование. 2019. № 1 (91). С. 8–17.

подходов, таких как естественное родительство, альфа-родительство, интенсивное родительство. И каждый конкретный родитель может «собрать» свою картинку из разных наборов этих «пазлов», при этом еще и трактуя выбранные им элементы по-своему.

Одним из примеров распространенного нормативного образца является интенсивное родительство. В этом разделе мы посмотрим, как этот нормативный образец воспринимают сами родители (матери) в России. Разделяют ли они его? Так ли он репрезентируется родителями в России, как описано в литературе? Это поможет нам увидеть те новые, специфические для современного родительства проблемы (например, трудности во взаимодействии с педагогами и старшим поколением), а также то, что норматив интенсивного родительства в представлениях родителей (в России) — более сложный, противоречивый и объемный феномен, чем это можно было бы заключить из описаний в научных работах.

Начиная с середины 1990-х годов во влиятельных исследованиях из разных стран отмечаются изменения модели воспитания детей [Hays, 1996; Faircloth, 2014a]. Одна из современных моделей воспитания получила название интенсивного родительства (*intensive parenting*). Как сегодняшний нормативный стандарт воспитания детей, интенсивное родительство предполагает в качестве предпочтительных методов воспитания «детоцентричные, направляемые экспертами, эмоционально поглощающие, трудоемкие и финансово затратные» [Hays, 1996]. «Хорошими» родителями в рамках этой идеологии считаются те, кто инвестирует в воспитание большие объемы денег, времени, эмоционального труда и других ресурсов, ставят интересы ребенка превыше всего, использует экспертное и научное знание в воспитании детей.

Несмотря на рост занятости женщин на рынке труда, время, которое матери проводят с детьми, за последние десятилетия увеличилось [Craig, Powell, Smyth, 2014]. Эта идеология также предполагает, что родители ответственны за все, что произойдет с ребенком (*parental determinism* [Füredi, 2001]), и должны опти-

мизировать все аспекты его жизни (безопасность, развитие, образование и др.) [Wolf, 2007], что их вклад имеет решающее значение для жизненного успеха ребенка и родители должны вооружить ребенка полным набором необходимых качеств и навыков для этого успеха.

Идеология интенсивного родительства доминирует в социальной политике, популярной культуре, медиа и экспертном дискурсе разных стран [Hays, 1996; Arendell, 2000; Faircloth, 2014a]. Есть отдельные свидетельства того, что элементы идеологии интенсивного материнства получают распространение и в России [Годованная, Темкина, 2017; Чернова, Шпаковская, 2016; Поливанова и др., 2015; Стрельник, 2015; Михайлова, Сивак, 2018], однако исследований в нашей стране пока совсем немного.

В данной главе на основе анализа существующих исследований, а также данных интервью с матерями детей дошкольного возраста, проведенных в 2014–2018 гг., рассматриваются отмеченные выше особенности интенсивного родительства: интенсивные методы воспитания, родительский детерминизм, оптимизация среды вокруг ребенка, опора на научное и экспертное знание.

Эмпирическая база — 50 интервью с матерями, у которых есть дети в возрасте от одного до семи лет. Интервью проводились в России 2014–2015 гг. Продолжительность интервью 1–3 ч (в среднем — 1,5 ч).

Поиск интервьюируемых осуществлялся методом снежного кома, а также через приглашение к участию в опросе в двух родительских онлайн-сообществах:

- сообщество, посвященное теории привязанности, где участники могут задавать вопросы и получать ответы на них от других участников сообщества;
- сообщество родителей, не сфокусированное на какой-либо конкретной родительской теории.

Большинство матерей, которые приняли участие в исследовании, — представительницы среднего класса, все живут в боль-

ших российских городах, почти все имеют высшее образование (только у четверых незаконченное высшее образование, у пятих нет высшего образования). Средний возраст — 33 года (от 25 до 46 лет). Почти все замужем, только шестеро в официальном разводе или не живут с мужем. Таким образом, по нашей выборке можно получить представление об относительно благополучных и образованных матерях, у которых в целом достаточно общей социальной поддержки и помощи с ребенком. Количество детей — один-двое.

Участницы исследования формулировали разные цели, которые они ставят перед собой, воспитывая детей. Помимо универсальных целей (счастье, здоровье ребенка), матери отмечали, что хотят укрепить отношения с ребенком и застраховаться от неприятностей в подростковом периоде (в том числе для этого «вкладываются» в формирование привязанности между ними и ребенком). Кроме того, матери отмечали, что хотели бы развить в ребенке качества, которые они считают необходимыми для успеха в современной экономике: уверенность в себе, самостоятельность, ответственность, инициативность, креативность, желание познавать мир или открытость миру, формирование вкуса — в музыке, живописи и др.

Для этих разных целей воспитания матери формулировали похожие методы их достижения, которые, с точки зрения матерей, являются допустимыми и правильными. Эти методы матери понимают как «непрямые», трудоемкие и предполагающие большую эмоциональную работу матери.

Не через силу... А хитрость, уговоры, договоренность и при этом постоянный-постоянный не прекращающийся эмоциональный контакт. У меня сын такой, с которым нужно каждую букву самой выучить заново, только тогда он согласится этим заниматься.

Под «непрямыми» методами матери подразумевают, во-первых, неприемлемость различных манипуляций, приказов и др. Матери считают необходимым договариваться с ребенком или

убеждать его, заинтересовывать, достигать компромиссов, но не обманывать и не заставлять, стараются избегать вербального насилия (физическое насилие под запретом), постоянных ограничений (запрещают только самое опасное) и манипуляций в воспитании (подкуп, угрозы и др.). Детей же, с которыми пока в силу их возраста нельзя договориться, необходимо отвлекать и «фильтровать» среду вокруг них (например, убирать опасные предметы, а не запрещать к ним прикасаться).

Во-вторых, под «непрямыми» методами понимается создание стимулирующей, развивающей среды, в которой ребенок будет развиваться и обучаться естественно, в противоположность целенаправленным структурированным занятиям. Все наши информантки занимаются с детьми дома — и для развития ребенка, и как способ провести с ребенком время («мы читаем очень разнообразную детскую литературу: стихи, потешки, сказки Пушкина. Все, что дает восприятие ритма, языка, насыщаем лексику»). С раннего возраста ходят в музеи, на концерты, слушают дома классическую музыку, серьезно относятся к подбору детских книг (выбирают только книги с иллюстрациями, которые считают качественными) и мультфильмов, поощряют свободную игру или обучение в игровой форме (по словам одной из матерей, «упаковывают в съедобную оболочку» то, что необходимо освоить). Вкладывают много эмоциональных усилий, творческих сил и избегают «дидактики»:

При том что в жизни ребенка есть книги, хорошая музыка, театры, друзья, путешествия и так далее, я принципиально против развивающих занятий, искусственных. И поэтому, честно говоря, дома у меня так тоже не получается — «а сейчас, малыш, мы будем учить цвета». Ну как бы речь зашла — на Ютубе показала трубочей, духовой оркестр, сама увлеклась, мы с ним посмотрели 15 роликов и нашли какой-то волшебный, который потом все смотрят. Но это в режиме импровизации. Потанцевать на кухне под Синатру — пожалуйста, с папой что-то нарисовать, потому что папа художник и творческий человек — тоже пожалуйста. Но вот слово «занятие» я к нашей семье не могу применить, вот я о чем.

Убежденность в том, что только такие интенсивные (непрямые, эмоционально затратные) методы воспитания являются правильными, зачастую приводили к трениям и конфликтам между матерями и другими окружающими ребенка людьми (например, его бабушками и дедушками), использующими, с точки зрения матерей, другие, неправильные методы [Sivak, 2018]. Обостряет такие конфликты и другая особенность интенсивного родительства: убежденность в том, что все действия, совершаемые с ребенком, касающиеся воспитания решения оказывают воздействие на всю дальнейшую жизнь ребенка (родительский детерминизм). Многочисленные вопросы, связанные с воспитанием, включая даже повседневные, приобретают огромное значение, делят родителей на противоборствующие лагеря [Faircloth, 2014b], сопровождаются дискуссиями: чем кормить ребенка; где он должен спать; можно ли отдавать ребенка в детский сад и с какого возраста; делать ли прививки?

Практически во всех интервью прослеживалась сильная убежденность матерей в том, что даже самые рутинные действия или случайные фразы могут оказать сильное воздействие на ребенка: «выстроенная система мелочей, взаимоотношений, она дает какой-то результат, то есть тут все важно», «досужее брошенное слово западает ребенку», «мелочь — она же мелочь неоднократно». Например, сравнение с другими детьми приведет к неуверенности к себе, излишние запреты навредят желанию познавать мир, повысят тревогу ребенка:

По поводу что говорить, что не говорить — тоже да, это действительно важно, поскольку я читаю все эти детские советы по психологии. Например, если ребенок идет по краю, не нужно ему кричать «Ты сейчас упадешь!», «Давай осторожно, можно упасть, держись крепче!» Вот, а бабушка, например, одна всегда говорит «Ты сейчас упадешь! А ну-ка уйди». Я понимаю, что она, естественно, из хороших побуждений, но сделать резкое замечание взрослому человеку мне мое воспитание не позволяет, и я просто надеюсь, что те моменты, когда я с дочерью, это нивелируют.

Целенаправленные занятия в раннем возрасте «убьют» мотивацию к учебе:

Мне кажется, если я буду на ребенка давить, пытаться вложить в него то, что со временем придет, потом он просто не захочет вообще ничего, потому что у него не будет желания самому что-то познавать, какую-то информацию новую получать.

В интервью встречалось и множество высказываний о вреде различных вербальных манипуляций, например:

Это снижает самооценку ребенка, способность саморегуляции, делает ребенка воспитанным и дрессированным, а не думающим, открытым, изучающим и способным выходить из нестандартных ситуаций любыми способами, способным сопереживать другим, понять и принять не только свои, но и переживания других, понять и принять разное поведение и разнообразие этого мира.

Такой детерминизм подчеркивается научно-популярными интерпретациями исследований нейронаук, которые заключаются в том, что неправильные действия родителей будут иметь глубокие и устойчивые последствия для развития мозга ребенка и его нервной системы в целом [Macvarish, 2016]. Особенно важным считается раннее детство. Довольно распространен миф о критическом значении в жизни ребенка первых трех лет [Bruger, 1999; Macvarish, Lee, Lowe, 2014].

Ребенок в целом начинает восприниматься как чрезвычайно уязвимый, окруженный рисками, угрожающими его развитию, безопасности, здоровью, как физическому, так и психическому [Füredi, 2001; Шадрина, 2014]. От родителей ожидается, что они должны предвидеть, устранить или смягчить риски.

В этих условиях растет тревога родителей о том, что они не смогут обеспечить оптимальные условия для развития ребенка [Füredi, 2001]. Эта тревога подогревается медиа, научно-популярной литературой для родителей и т.д. В целом, как и в исследовании С. Смит [Smyth, 2015], наши интервью иллюстрируют,

что тревога по поводу правильности воспитания и успешности ребенка в жизни проникла и в дошкольные годы. Вот как об этой тревоге высказалась одна из участниц исследования:

Я какие-то статьи читала <...> про то, что нужными людьми останутся либо высокопрофессиональные технари, либо водители троллейбусов. И в этой ситуации, думаешь, что нужно обязательно из детей сделать высококлассных специалистов, и чтобы это сделать, в это нужно вложить много сил. Даже так на уровне 4 и 2 года у меня уже панические атаки, что ребенок отказывается учить буквы.

Как следствие крайне детерминистского мышления, матери стараются организовать всю среду вокруг ребенка оптимальным образом. Особенно внимательно участницы исследования относились к тому, что ребенку говорят: «Мы теперь думаем над каждым словом, которое мы говорим нашим детям. Как правильно ребенка похвалить?». Еще одна цитата:

До сегодняшнего момента, просто когда я стала заниматься в психотерапии, меня немножко отпустило на эту тему. До этого любой взрослый, который что-то не то говорил ребенку, на мой взгляд, всё, сейчас его испортит, какие-то не те мысли ему там внушит.

Контроль за всеми стимулами, с которыми сталкивается ребенок, матери распространяют и на ситуации, когда ребенок находится на расстоянии от дома или от них. Матери стремятся настроить среду вокруг ребенка так, чтобы она стала «продолжением» дома (такой же безопасной, соответствующей их ценностям, «оптимальным» образом влияющей на ребенка и проч.). Вот как об организации такой среды высказывались участницы исследования:

По сути всё, чем мы заняты, выращивая ребенка, мы стараемся сделать так, чтобы создать отдельные специальные места, где социум устроен каким-то образом, каким мы считаем правильным, не таким, каким он устроен на самом деле. То есть мы ходим, гуля-

ем на те детские площадки, где не сидят бомжи или не курят мамы, где это всё более-менее похоже на Европу, мы отдаем детей на такие занятия, где мы занимаемся с людьми, которым нравится, что они делают.

Сейчас разрыв между климатом <...> у среднего класса и между тем, что предлагается обществом, семье. Система образования, детские сады, разрыв настолько ужасающий, что семьи и матери особенно находятся под большим давлением. Просто под ужасным, и помощи получить негде. Кроме того что ты сама себе создашь среду какую-то и сама всех научишь, как себя вести. Это очень, очень тяжело. <...> Потому что хочется воспитать людей свободных, креативных, уверенных в себе, способных. И сейчас фактически ответственность за это семьи несут в одиночку. Мама несут в одиночку, потому что никакая система не соответствует этому. Еще редко-редко какие-то частные места, люди. Но все против этого работает.

Этот контроль может распространяться на разные аспекты жизни ребенка. В наших интервью были особенно заметны попытки матерей регулировать отношения ребенка с его/ее бабушками и дедушками в случаях, когда матери не разделяли практики воспитания и «обыденные теории воспитания» родственников. Несколько участниц также опасались «неправильной» среды в детском саду. Из-за этого, несмотря на сильную потребность, не отдавали ребенка в детский сад:

Раньше просто там лет до трех, я считала, что вообще нельзя, чтобы какой-то человек заменял роль родителя, потому что ребенок же начнет ориентироваться на него, привязываться к нему. Ну и вообще, что этот человек будет ему транслировать там, какие свои идеи. Когда ему говорят [в детском саду], что нельзя проявлять себя. Например, нельзя кричать, нужно вести себя прилично — когда я знаю, что это в природе ребенка, проявлять себя. Если говорить, что нет, нельзя ему этого делать, то значит ребенок закроется, он будет понимать, что то, какой он есть, — это неправильно, что он какой-то неправильный. И это потом скажется на дальнейшей его жизни.

[о занятиях рисованием в детском саду] Всё это зарубает идею творчества на корню вообще — не свободно делать то, что ты хочешь, а делать какой-то шаблон, то есть ребенок будет приучаться делать шаблоны, он будет думать, что рисование — это рисовать домик. Как собственно мои знакомые, которые отдают детей [в детский сад], говорят, что это так, рисовать — это нарисовать похожее.

В решениях о том, как воспитывать ребенка правильно, матери стремятся ориентироваться на научное и экспертное знание. Культура интенсивного материнства предполагает, что компетентность — это одна из ключевых характеристик хорошего родителя и «правильное» воспитание детей сегодня должно основываться на научных и экспертных рекомендациях. В нынешнем экспертном дискурсе о воспитании детей предполагается, что здравого смысла и интуиции недостаточно [Faircloth, 2014a]. Отношения между родителем и ребенком представляются как набор навыков, которые необходимо выучить и приобрести [Idid.].

В интервью участницы исследования отмечали, что до рождения первого ребенка у них практически не было опыта по уходу за детьми и их переполняли вопросы, касающиеся ухода за детьми и их воспитания. Тем не менее они считали себя более компетентными, чем их родители и другие родственники, потому что они следовали современным советам экспертов в области воспитания детей. Матери конструировали границу между научным знанием и обыденным знанием о воспитании, которым обладают, например, бабушки и дедушки ребенка. Обыденное знание описывалось как устаревшее, традиционное, «советское». При этом выбор источника экспертного знания или какой-либо воспитательной теории зачастую был некритичным, т.е. не основывался на самостоятельном и взвешенном анализе аргументов за и против этой теории или источника знания. Как отмечается в работе [Faircloth, 2010], матери не относятся к экспертному знанию как к научным фактам, т.е. критично, а просто верят или не верят в справедливость различных утверждений. В выборе того, во что верить, матери основываются, например, на близости

теории личному опыту: «В отношении теории привязанности у меня есть совпадение какого-то моего собственного детского опыта, и хорошего, и плохого».

Участницы интервью считают, что необходимо пересмотреть все практики воспитания (например, те, что «унаследованы» ими от их родителей) и выбрать правильные, основываясь на научном и экспертном знании:

Мне кажется, так получилось, что мы первое поколение, которое пытается вот так подходить осознанно к родительству, потому что до этого как-то все делалось по накатанной, как бабушка сказала, так и было, все слушали старших.

Наличие сконструированной таким образом стратегии воспитания детей не означает, что матери всегда ведут себя так, как они считают «правильными». Потому что культурные нормы не заставляют людей постоянно им следовать, а скорее являются символическими средствами для обоснования своих действий, аргументации, «организации» размышлений [Valsiner, Litvinovic, 1996]. Стратегия воспитания детей, даже если матери не следуют ей сами постоянно, позволяет им определять «неправильные» методы воспитания.

С момента когда матери поверили в какую-либо воспитательную теорию или утверждения о том, как правильно воспитывать детей, эти знания становятся для них опорой в повседневной жизни с ребенком (которую матери стараются защищать от людей с другими взглядами) и придают матерям уверенность в себе, являясь, таким образом, не просто источником знаний о воспитании детей.

В какой-то момент я начала читать, потому что я не знала, что делать. Я не знала, как и на что опираться, если говорить про модель родительства и материнства. И теория привязанности очень мне легла. То есть я знала, как не надо, как я не хочу. <...>. То есть мое доверие к себе как к маме было подорвано, и теория привязанности очень помогла мне вернуть уверенность в себе.

Итак, мы видим доминирующую в экспертном дискурсе нормативную модель воспитания детей — интенсивное родительство. Основные черты идеологии интенсивного материнства: родительский детерминизм, интенсивные методы воспитания, оптимизация среды вокруг ребенка, опора на экспертное знание. Родители обосновывают необходимость интенсивных (трудоемких) методов воспитания и оптимизации всей среды вокруг ребенка тем, что даже самые мелкие и обыденные действия влияют на развитие ребенка и всю его последующую жизнь, и как такие установки приводят к повышенной родительской тревоге. При этом научное знание они используют, скорее, как аргументацию своих действий для поддержания уверенности в себе. Можно предположить, что использование научного знания связано с родительской самоэффективностью (см. главу 3). Отдельно отметим, что опора на экспертное знание не является слепым следованием инструкциям, так как родители основываются, скорее, на своем понимании этого знания или конструируют собственную воспитательную теорию на базе тех или иных научных концептов (более подробно см. главу 9).

Распространение такой культуры воспитания детей, отмечаемое во многих странах, не означает, что все родители на практике начинают следовать предписаниям интенсивного материнства. Скорее это означает, что интенсивное родительство начинает восприниматься как нормативный образец, идеал, образ правильного родителя, с которым люди соизмеряют свои собственные родительские практики. Кроме того, мы находим свидетельства тому, что норматив интенсивного родительства не столь однозначен. В представлениях родителей он оказывается более сложным и порой противоречивым. Пример этому будет приведен в следующей главе, где мы постараемся понять, действительно ли родители больше доверяют экспертам как источникам знания о ребенке.